

А. И. Романчук (Екатеринбург)

Содружество трех научных центров — раскопки в Портовом районе Херсонеса

В июне 2015 г. в докладах на чтениях памяти В. И. Кадеева в той или иной мере затронуты проблемы, которые интересовали исследователя. Нынешняя конференция проходит в годовщину памятного события — в 1962 г. представители трех научных центров: Херсонесского историко-археологического заповедника (И. А. Антонова, С. Ф. Стржелецкий) Уральского (В. Н. Даниленко, Е. Г. Суров) и Харьковского университетов (В. И. Кадеев) разработали совместную программу археологических исследований Херсонесского городища и избрали «территориальный объект». Так была создана Объединенная экспедиция, которая в следующем году приступила к изучению портового квартала 1. На некоторые аспекты и результаты этих раскопок, которые нашли отражение в научных штудиях В. И. Кадеева, хотелось бы обратить внимание, поскольку они не были отражены в полной мере на чтениях 2015 г.

Инициатором объединения являлся С. Ф. Стржелецкий, который до 1968 г. возглавлял экспедицию. Его с уральцами, в частности с Е. Г. Суровым, связывали не только научные интересы, но и дружеские отношения, возникшие во время пребывания в Свердловске в период Великой Отечественной войны сотрудников заповедника и эвакуированных на Урал находок и документов архива из Херсонеса. Однако мало известным является то, что еще в конце XIX в. в одном из уральских сел существовал домашний музей «антиков», созданный дворянами Голубцовыми, где были представлены находки из Северного Причерноморья [1], а К. К. Косцюшко-Валюжинич с 1901 г. являлся почетным членом-корреспондентом Уральского общества любителей естествознания [2, с. 39]. Участие же Харьковского университета, где существовала научная школа антиковедения, созданная В. П. Бузескулом (1858–1931), вполне закономерно. Кроме того, во время Первой мировой войны (ноябрь 1914 г.) Харьков принял на хранение находки из Херсонеса, где они находились около 10 лет.

Возникшее научное содружество не являлось первым: в 40–50-е гг. XX в. изучение кварталов северной части Херсонесского городища производилось комплексной экспедицией, в состав которой входили Г. Б. Белов, С. Ф. Стржелецкий и А. Л. Якобсон [3; 4]. Согласно планам «учредителей» научного коллектива к раскопкам в портовом районе следовало привлечь силы всех экспедиций, работавших в Херсонесе с тем, чтобы единовременно исследовать все комплексы, расположенные на территории одного из кварталов, но в действи-

тельности отряды других вузов только на время присоединялись к раскопкам Объединенной экспедиции (Уфимский, Пермский, Челябинский университеты).

Итак, объектом исследований стал квартал, примыкающий к 16–18-й куртинам оборонительных стен, вдоль которых в 1889 и 1905 гг. К. К. Косцюшко-Валюжинич открыл 28 помещений и общественное здание. Позднее их называли римскими казармами, но, как показали последующие раскопки, относилось к эллинистическому времени; кроме того в юго-восточной части находился средневековый квартальный храм (храм Е) [5; 6].

Участок исследований ограничивался Первой продольной улицей, начинающейся от городских ворот, и 15-ой поперечной. Площадь участка составила около 2,5 тыс. кв. м. Выбор участка предопределили две причины: возможность связать периодизацию строительства оборонительных стен и внутриквартальной застройки и наличие наиболее мощного, в сравнении с другими районами городища, культурного слоя. Предполагалось, что в ходе раскопок будет прослежена более детальная стратиграфия, выявлены не только периоды значительных строительных работ, но и ремонты, и перестройки, а также получены материалы о времени возникновения наиболее ранних комплексов и, возможно, прекращения жизнедеятельности в портовом районе. Следовало также изучить открытые К. К. Косцюшко-Ваюжиничем жилые комплексы, так называемые римские казармы и расположенную около городских ворот башню XIV. Большое значение придавалось разработке методики исследований городища широкой площадью и созданию детальной классификации находок. Безусловно, в числе практических задач стояло проведение археологической практики студентов и приобщение их к богатейшей истории не только античного и византийского Херсонеса-Херсона, но и в целом Таврики.

Практиковалось еженедельное обобщение итогов с соответствующей фиксацией в сводном дневнике (С. Ф. Стржелецкий и Н. Лебедева — УрГУ), наряду с ведением полевых дневников руководителями участков (В. В. Кучма, В. Н. Даниленко, Л. Г. Колесникова, И. А. Антонова; В. И. Кадеев). При этом на еженедельные «совещания» приглашались участники раскопок, а также те, кто занимался обработкой артефактов (Н. Бармина, Л. Ивашута, А. Романчук). Следует отметить также, что, формулируя задачи раскопок, исследователи определили и круг научных интересов: монографическое изучение крепостной ограды стало задачей И. А. Антоновой; обобщение и издание римских находок и комплексов брал на себя Харьковский университет; С. Ф. Стржелецкого интересовала целостная стратиграфия раскапываемого участка и особенности ее проявления на всей территории городища. В наиболее сложном положении оказался В. Н. Даниленко — сферой его научных интересов являлся эллинистический период.

М. Я. Сюзюмов, создатель Уральской школы византистики, полагал, что масштабные исследования в портовом районе значительными научными

силами позволят получить данные для подтверждения его теории континуитета византийского города: «Изучение истории Херсонеса занимает особое место. Этот город является в исторической науке как бы соединительным звеном истории античной, средневековой и ранней истории СССР. Проблемы города стали изучаться в широком плане особенно после того как на основании заключенного соглашения о научном сотрудничестве между кафедрой Всеобщей истории и Херсонесским музеем стали организовываться экспедиции» (о сюжете М. Я. Сюзюмов и Херсонес [см.: 7, с. 320–323]). Именно поэтому анализ средневековых комплексов был возложен на Уральский университет. Однако хронологическое распределение материалов не означало, что коллеги по содружеству не могли публиковать находки другого периода.

Наиболее интенсивные и масштабные раскопки экспедиции приходятся на 1963–1968 гг., когда она действительно возглавлялась С. Ф. Стржелецким, курировавшим все отряды. При этом он стремился к тому, чтобы одновременно исследовались хронологически близкие культурные напластования и сооружения. Кроме того, под его руководством разрабатывалась классификация керамических находок и в соответствии с нею производилась статистическая обработка. Все извлеченные из земли фрагменты «находили свое место» в соответствующих графах полевых описей, а на профильные части сосудов составлялись чертежи. Безусловно, обработка и реставрация артефактов требовали значительного времени и сил, поэтому непосредственно на раскопе было занято не более 50–60 % состава лаборантов экспедиции. Благодаря такому положению стало возможным издание первых работ о керамических находках, согласно принятой в экспедиции классификации [8–10]. А в последующем, выполняя первоначально оговоренные обязательства, в Уральском университете были опубликованы и другие находки византийского времени из портового района [11–15]. Результаты первых лет раскопок, когда исследовались поздневизантийские комплексы (1963–1966 гг.), наиболее полно освещены в печати [16–22].

Единовременное удаление культурных напластований позволило выявить, что слой XII–XIV вв., фиксируемый при изучении кварталов северного района, на территории портового района представлен двумя строительными периодами (XII–XIII вв. и XIV в.) Этим периодам предшествовали существенные разрушения. В верхнем слое пожара, наряду с византийскими, встречались восточные монеты XIII–XIV вв. [23]. Кроме того обнаружена существенная вариабельность стратиграфии в пределах одного дома, обусловленная назначением отдельных помещений, а находки ранневизантийских монет косвенно свидетельствовали о жизнедеятельности на территории квартала в данное время. Значительное влияние на отложение культурного слоя на северо-западе квартала, где расположены так называемые римские казармы, оказало то, что фундаментальные стены здания в каждый последующий период застройки использовались как основание для новых строений.

Правда, и здесь были открыты такие ранние памятники, как рыбозасоленная цистерна, засыпанная в начале VII в., колодец римского времени, а далее к юго-востоку — позднеантичные слои и римская вымостка.

При исследовании площади в центре квартала и храма (храм 1963 г.) обнаружена инверсия культурных напластований (слой с поздними находками располагался ниже более ранних), а статистическая обработка материалов из гробниц двух квартальных храмов (храм Е, открытый К. К. Косцюшко-Валюжиничем, и храм 1963 г.) позволила ориентировочно определить количество взрослых обитателей квартала и сопоставить это число с количеством усадеб для каждого из хронологических периодов.

Безусловно, каждый из полевых сезонов приносил существенные результаты, что давало новые аргументы для дискуссий о значимости Херсона в XIV в., или об особенностях развития города в период «темных веков» (середина VII — середина IX в.). И в данном плане большое значение имело выявление слоя разрушения первых десятилетий VII в., и обнаружение следов последовавшей после этого застройки — комплексов, относящихся к VII—VIII вв. — одному из наиболее дискуссионных периодов истории византийского города. Об этом, как и других результатах, позволяют судить информационные заметки в «Археологических открытиях» [24–32]. Позднее, в ходе изучения портового квартала 2 некоторые из наблюдений, сделанных коллективом Объединенной экспедиции, были уточнены [33–37].

Одно из направлений деятельности К. Э. Гриневича в период руководства Херсонесским музеем стали подводные исследования на одном из участков Гераклейского полуострова [38]. Коллеги-современники встретили эти изыскания критически, что отражено, к примеру, в письме М. И. Ростовцева к английскому историку Э. Х. Миннзу: «Жебелев мне говорит, что его подводный город чистая фантазия» [39, с. 316]. «Города под водой» К. Э. Гриневич не нашел, но изучение прибрежной части акватории Черного моря, безусловно, имело большое значение и понять неудачу создателя Херсонесского направления в Харьковском университете попытался В. И. Кадеев, правда, участок для погружений был избран иным [40; 41]. Данные работы выявили своеобразие донного рельефа в районе Херсонеса и позволили понять причины значительных разрушений городища в северном районе. Подтверждало наблюдения и изучение трех рыбозасоленных цистерн, предпринятое по инициативе В. И. Кадеева. Расположенные в северной прибрежной части городища, цистерны разрушались приливной волной. Исследование данных памятников, с одной стороны, позволило получить данные для выявления времени сооружения «емкостей» для приготовления соуса из рыбы, с другой, — привело к формированию значительной коллекции индиктных клейм, которые были известны в единичных экземплярах [42; 43].

Следует отметить, что в рамках Объединенной экспедиции В. И. Кадеев стал инициатором использования методов естественных наук, проложив путь

содружества археологов и специалистов в области геохронологии, спектрографии и петрографии, металловедения в процессе изучения артефактов [44–48].

Безусловно, объектом внимания В. И. Кадеева являлись также и конкретные находки, и не только римского времени [49–51]. Позднее отдельные результаты раскопок Портового района В. И. Кадеев использовал в монографических штудиях [52; 53].

С 1970 г. экспедиция превратилась в формальное объединение; прежнего «единого руководства» не существовало. В 1969 г. В. Н. Даниленко переехал в Симферополь, руководителем Уральского отряда стала А. И. Романчук. После завершения работ на юго-восточном участке квартала — территории, которая традиционно являлась местом раскопок университета, в 1978 г. было начато исследование расположенного рядом портового квартала 2.

В последней четверти XX в. исследования в Херсонесе Харьковского университета возглавили ученики В. И. Кадеева С. Б. Сорочан, С. В. Дьячков [54–57]. После завершения раскопок комплекса «римские казармы» С. В. Дьячков вошел в состав экспедиции, которая обратилась к исследованию памятников Балаклавы. С. Б. Сорочан стал помощником И. А. Антоновой, руководившей раскопками на территории цитадели. Его участие в раскопках данного участка отражено в ряде статей [напр., 58].

В конце двадцатого столетия на работе многих отрядов начало сказываться или резкое сокращение, или полное прекращение финансирования экспедиционных работ, что, безусловно, отразилось на исследованиях и в Портовом районе. До 2002 г. смог продолжить раскопки только Уральский университет, но новое тысячелетие требовало применения и новых методов исследований: широкого введения глубинного сканирования, аэрофотосъемки, изучения артефактов с помощью метода Месбауэра, которые являются дорогостоящими и в силу этого пока не возможными для отдельного научного учреждения. Следовательно, будущее за повторением опыта Объединенной экспедиции, у истоков которой в 1962–1963 гг. стоял один из крупнейших историков римской эпохи В. И. Кадеев.

Не трудно предположить, что к 200-летию раскопок (2027 г.) исследователи Херсонеса-Херсона-Корсуни будут подводить итоги многолетних исследований, в том числе и будут отмечены и труды Объединенной экспедиции.

Конечно, во время раскопок Объединенной экспедиции допускались и методические ошибки, и существовали научные заблуждения, высказывались гипотезы, не выдержавшие проверки временем, велись многочисленные дискуссии по отдельным сюжетам истории античного и средневекового города. И многие из тех, кто соприкасался с памятниками Херсонеса-Херсона-Корсуни, открывая их для подтверждения своей научной концепции или же самозабвенно работая непосредственно на раскопе, внесли вклад в воссоздание его истории. И пусть «каждому воздастся по трудам его».

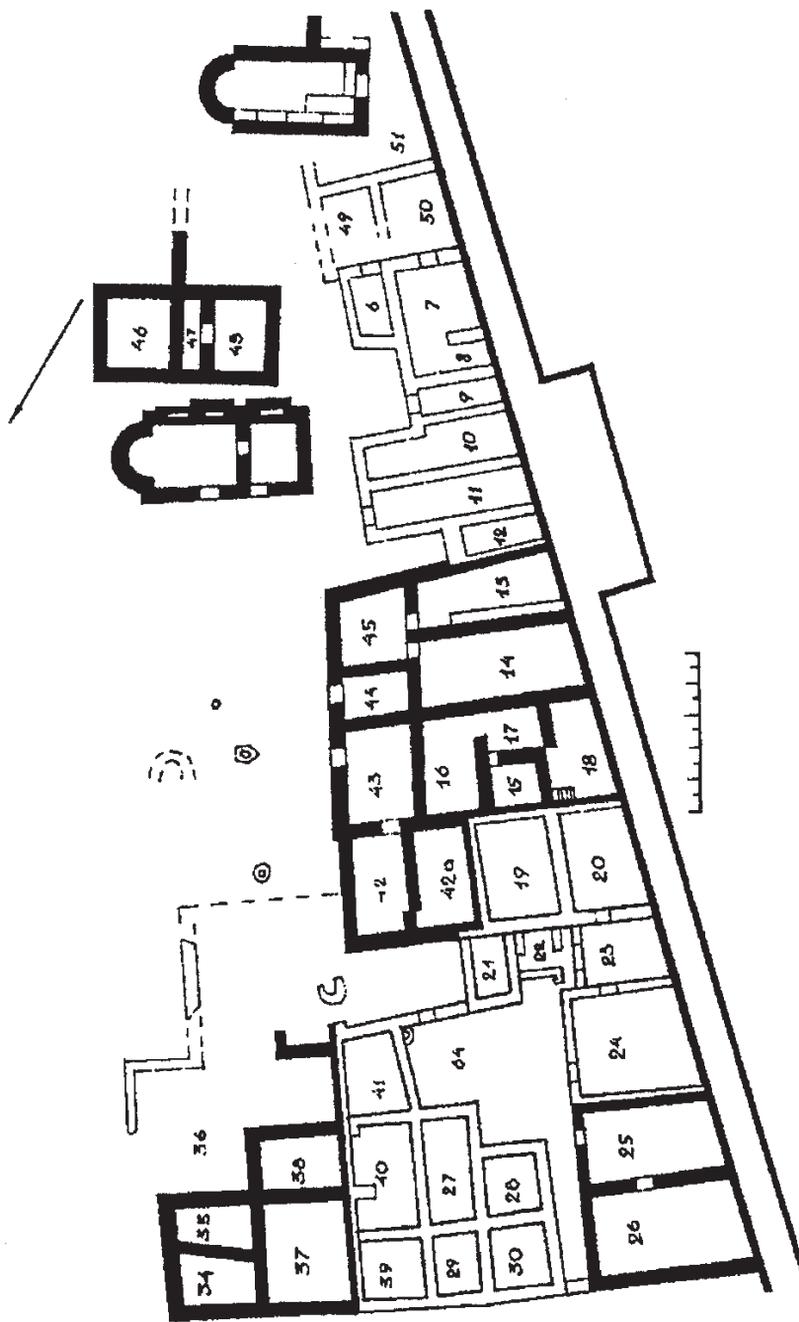

Рис. 1. Портовый квартал 1. Застройка XIV в.

Литература

1. Романчук А. И. Коллекционеры Голубцовы, или феномен историка — непрофессионала // Наука. Общество. Человек: Вестник Уральского отделения АН. — Екатеринбург, 2011. — Вып. 3 (37).
2. Романчук А. И. К. К. Косцюшко-Валюжинич. Этюды повседневности. — Saarbrücken, 2014.
3. Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф. Кварталы XV—XVI: раскопки 1937 г. // МИА. — 1953. — № 34.
4. Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А. Л. Квартал XVIII: раскопки 1941, 1947 и 1948 гг. // МИА. — 1953. — № 34.
5. Косцюшко-Валюжинич. К. К. Извлечения из отчета о раскопках в Херсонесе в 1899 г. // ИАК. — 1901. — Вып. 1.
6. Косцюшко-Валюжинич. К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году // ИАК. — 1907. — Вып. 25.
7. Поляковская М. А. Херсонес в письмах М. Я. Сюзюмова // Византия. Византийцы. Византинисты. — Екатеринбург, 2003.
8. Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. — 1971. — Вып. 7.
9. Ивашута Л. П. Неполивная керамика позднесредневекового Херсонеса // АДСВ. — 1975. — Вып. 11.
10. Симонова Т. И. Метки на черепице кровли дома XIII—XIV вв. // АДСВ. — Вып. 17. — 1980.
11. Романчук А. И. Граффити на средневековой керамике из Херсонеса // СА. — 1986. — № 4.
12. Романчук А. И. Глазурованная посуда поздневизантийского Херсонеса. — Екатеринбург, 2003.
13. Романчук А. И. Строительные материалы византийского Херсона. — Екатеринбург, 2004.
14. Романчук А. И., Сазанов А. В. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. — Свердловск, 1991.
15. Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. — Екатеринбург, 1995.
16. Даниленко В. Н. Некоторые итоги раскопок Херсонеса Таврического (1958–1964) // Учен. зап. Перм. ун-та. — 1966. — № 143.
17. Даниленко В. Н., Романчук А. И. Сводный отчет Объединенной экспедиции в 1963–1964 гг. // АДСВ. — 1971. — Вып. 7.
18. Кадеев В. И. Раскопки в «центре участка» (1965–1966) // АДСВ. — 1973. — Вып. 9.

19. Кучма В. В., Романчук А. И. Раскопки на юго-восточном участке портового квартала (1965–1966) // АДСВ. — 1973. — Вып. 9.
20. Соломоник Э. И. Греческие надписи из портового района Херсонеса // АДСВ. — 1973. — Вып. 9.
21. Стржелецкий С. Ф. Раскопки Объединенной экспедиции в 1963–1964 гг. // Тез. докл. сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. — Баку, 1965.
22. Стржелецкий С. Ф. Раскопки Объединенной Херсонесской экспедиции Херсонесского музея, Уральского и Харьковского университетов в 1963–1965 гг. // Тез. докл. пленума Института археологии АН СССР 1966 г. Секция «Ранний железный век». — М., 1966, — Ч. 2.
23. Гилевич А. М. Монеты из раскопок портового квартала Херсонеса, 1965–1968 гг. // АДСВ. — 1973. — Вып. 9.
24. Даниленко В. Н., Кадеев В. И., Романчук А. И. Раскопки в портовом районе Херсонеса // АО — 1969. — М., 1970.
25. Даниленко В. Н., Кадеев В. И. Раскопки в портовом районе Херсонеса // АИУ — 1968. — Вып. 3. — К., 1971.
26. Кадеев В. И. Исследования в портовой части Херсонеса // АО — 1968. — М., 1969.
27. Кадеев В. И. Раскопки в портовом районе Херсонеса // АО — 1981. — М., 1983.
28. Кадеев В. И. Раскопки в портовом районе Херсонеса // АО — 1982. — М., 1984.
29. Кадеев В. И. Раскопки в портовом районе Херсонеса // АО — 1983. — М., 1985.
30. Кадеев В. И. Раскопки в Херсонесе // АО — 1984. — М., 1986.
31. Кадеев В. И., Романчук А. И. Раскопки в портовом районе Херсонеса // АО — 1971. М., 1972.
32. Кадеев В. И., Романчук А. И. Раскопки в портовом районе Херсонеса // АО — 1975. — М., 1976.
33. Романчук А. И. Исследования поздневизантийских слоев на участке портового квартала 2 Херсонеса // АИУ — 1978–1979 гг. Тез. докл. — Днепропетровск, 1980.
34. Романчук А. И. Хроника раскопок в Херсонесе // ВВ. — 1990. — Т. 51.
35. Романчук А. И. Хроника раскопок в Херсонесе. 1989–1990 гг. // ВВ. — 1992. — Т. 53.
36. Романчук А. И. Итоги раскопок в портовом квартале 2 Херсонесского городища // АИК — 1994. — Симферополь, 1997.

37. Романчук А. И. Раскопки Уральского университета в Херсонесе: К сококалетию Крымской археологической экспедиции // ВВ. — 1999. — Т. 58 (83).
38. Гриневич К. Э. Исследование подводного города близ Херсонесского маяка в 1930–1931 гг. — М., 1931.
39. Бонгард-Левин Г. М. М. И. Ростовцев и Э. Х. Миннз: От Скифии до Китая и Японии // Скифский роман. — М., 1997.
40. Вишнеvский В. И., Кадеев В. И. Подводные исследования у берегов Херсонеса // АО — 1966. — М., 1967.
41. Кадеев В. И. Подводные археологические исследования в районе Херсонеса в 1964–1965 гг. // Морские подводные исследования. — М., 1969.
42. Кадеев В. И., Рижов С. Г. Нова рибозасолювальна цистерна у Херсонесі // Археологія. — 1973. — Вип. 12.
43. Романчук А. И. Новые материалы о времени строительства рыбозасолочных цистерн в Херсонесе // АДСВ. — 1973. — Вып. 9.
44. Кадеев В. И. Некоторые результаты спектрального исследования цветных металлов из позднеантичного Херсонеса // СХМ. — 1963. — Вып. 3.
45. Кадеев В. И. О времени появления токарного металлорежущего станка в Херсонесе // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. — Л., 1968.
46. Кадеев В. И., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д. О технологии изготовления некоторых изделий из цветных металлов в позднеантичном Херсонесе // СА. — 1963. — № 1.
47. Кадеев В. И., Шумейко С. И. Некоторые результаты петрографических исследований античной керамики из Херсонеса // ЗОАО. — 1967. — Т. 2 (35).
48. Кадеев В. И. Раскопки в Херсонесе // АО — 1970. — М., 1971.
49. Кадеев В. И. Средневековые граффити из Херсонеса // СА. — 1968. — № 2.
50. Кадеев В. И. Косторізне виробництво у пізньоантичному Херсонесі I—IV ст. н. е. // Археологія. — 1969. — Т. 22.
51. Кадеев В. И. Деревообрабатывающее производство Херсонеса в I—IV вв. н. э. // Херсонес Таврический: Ремесло и культура. — К., 1974.
52. Кадеев В. И. Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I—IV веках н. э. — Х., 1970.
53. Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. — Х., 1981.
54. Дьячков С. В. Раскопки XIV продольной улицы в портовом районе Херсонеса Таврического // Древности, 1994: Историко-археологический ежегодник. — Х., 1995.
55. Дьячков С. В. Херсонесская археологическая экспедиция в 1996–1998 гг. // Древности, 1997–1998: Историко-археологический ежегодник. — Х., 1999.

56. Дьячков С. В., Золотарев М. И. Раскопки «казармы» в портовом районе Херсонеса в 1993 г. // Древности, 1994: Историко-археологический ежегодник. — Х., 1995.
57. Дьячков С. В., Магда А. В. Работы Херсонесской археологической экспедиции Харьковского университета в 1994 г. // Древности, 1995: Историко-археологический ежегодник. — Х., 1996.
58. Сорочан С. Б. Об архитектурном комплексе фемного претория в Херсоне // АДСВ. — 2004. — Вып. 35.

